

NOIR

Круче «Бешеных
псов», стильней
«Криминального
чтива»!
[CRIME TIME]

ТЕД ЛЬЮИС

УБРАТЬ КАРТЕРА

GET CARTER

Льюис Тед
Убрать Картера

1970

Тед Л.

Убрать Картера / Л. Тед — 1970

Джек Картер, член лондонской преступной группировки, приезжает в родной Донкастер на похороны брата Фрэнка. Официальная версия следствия: смерть и автокатастрофе в результате алкогольного опьянения. Джека это настораживает, поскольку его брат и в рот не брал спиртного. Он начинает собственное расследование. Однако заговор молчания, образовавшийся вокруг смерти Фрэнка, не так легко нарушить. Старые знакомые его избегают, старые враги затаились в ожидании... Лондонские хозяева Джека, недовольные его неповиновением, посылают за ним своих головорезов. Но Картер должен докопаться до истины, даже ценой собственной жизни...

Содержание

ЧЕТВЕРГ	5
ПЯТНИЦА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Льюис Тед

УБРАТЬ КАРТЕРА

ЧЕТВЕРГ

Шел дождь.

Он начался еще в Юстоне и с тех пор лил не переставая. В вагоне царила скученность того рода, когда под ногтями скапливается грязь, хотя вроде сидишь и ничего не делаешь, только смотришь в мутное окно. Смотришь на грязные стены проносащихся мимо домов под нависшими серыми тучами. Сидишь не шевелясь и только смотришь.

Я был один в купе. Ботинки я скинул. Ноги задрал. «Пентхаус» был прочитан. «Стэн-дард» – дважды. Я обгрыз два ногтя. До Донкастера оставалось сорок минут.

Я взглянул на свои черные мохеровые носки. Потом согнул большой палец. Носок обтянул длинный ноготь. Надо бы подстричь ногти по приезде – в выходные предстоит много ходить пешком.

«Интересно, – подумал я, – успею ли я в Донкастере за пересадку купить сигареты в вокзальном буфете?»

Если буфет будет открыт в пять вечера, в четверг, в середине октября.

И все же я закурил.

Забавно, Фрэнк никогда не курил. А ведь большинство барменов курят. В промежутках между своими основными обязанностями. Хотя бы пару затяжек, чтобы показать: у меня перерыв. Фрэнк же не курил. Даже самокрутки, когда мы собирались в конце Джексон-стрит и покуривали из любопытства. Просто не хотел знать, что значит курить.

А еще он не пил виски.

Я взял фляжку, валявшуюся на журнале, отвинтил крышку и сделал глоток. Поезд сильно мотало, поэтому немного виски пролилось на рубашку. Под воротником появилось довольно большое пятно.

Однако не такое большое, как у Фрэнка – на той рубашке, в которой его нашли. Гораздо меньше.

Они сработали внаглую. Они сработали топорно.

Я завинтил крышку и бросил фляжку на диван. Из-за вершины холма на секунду показалось солнце, и луч света, прорезав серые тучи и сплошную стену дождя, высветил гравировку на фляжке: «Джеку на тридцать восемь лет, с наилучшими пожеланиями от Джеральда и Леса».

Джеральд и Лес – это ребята, на которых я работаю. За то, что я делаю для них, они неплохо мне платят. Они занимаются земельной недвижимостью. Инвестициями. Спекуляциями. В общем, вы понимаете, чем именно.

Жаль, что все это закончится. Рано или поздно Джеральд обязательно узнает про меня и Одри. И когда это случится, я предпочел бы находиться где-нибудь подальше. Работать на Штайна. Под ярким солнцем. И чтобы Одри загорала без всего. И чтобы не было дождя.

Вокзал Донкастера. Мрачное, продуваемое ветром переплетение рельсов и платформ, освещенное слабым светом неоновой вывески. Шелест дождя только подчеркивает царящую вокруг пустоту. Газетный ларек «В. Х. Смит» закрыт.

Я прошел по крытому надземному переходу, чтобы перейти к платформе, где меня ждал другой поезд. В переходе никого не было, и меня преследовало эхо моих шагов. В соответствии с указателем я повернул налево, к четвертой платформе, и спустился вниз. Тепловоз громко пыхтел, готовясь отправиться в путь. Я поднялся в вагон, захлопнул за собой дверь и сел на

трехместную скамью. Положив свой багаж на соседнее сиденье, я встал, снял зеленую замшевую куртку и бросил ее на сумку.

Я огляделся по сторонам. В вагоне было не больше дюжины пассажиров, все сидели спиной ко мне. Я вытянул шею и заглянул в кабину кондуктора. Кондуктор читал газету. Я вытащил фляжку и быстро глотнул виски, потом сунул ее в сумку и полез в карман за сигаретами. Черт, я же выкурил последнюю.

* * *

Сначала есть только чернота. Покачивание вагона, отражение в залитом дождем стекле и чернота. Но если постараться заглянуть за отражение, можно увидеть зарево, поднимающееся над горизонтом.

Оно очень слабое, и в первую минуту кажется, что вдали что-то горит – скирда, бензиновая цистерна или что-то еще. Но потом замечаешь подсвеченные заревом облака и понимаешь, что это нечто большее, чем пожар. А еще чуть позже, когда поезд пронесется через просеку и поворачивает к городу, из темноты возникает небольшой круг яркого света, и становится ясно, где источник зарева: это несколько сталелитейных заводов, построенных вдоль полукруглой ложбины. Трубы цехов тянутся вверх, плавильные цеха пульсируют красным, доменные печи взрываются белым огнем, а очертания завода кажутся черными на фоне этого зарева. При виде всей этой картины на память приходит диснеевский вариант создания мира. Даже когда поезд едет мимо неприглядных окраин, задов бензоколонок и ярко освещенных улиц, внимание все равно притягивает яркое зарево над заводами.

* * *

Я предъявил билет и через турникет вышел к вокзальной стоянке. Некоторые из моих попутчиков направились к своим машинам, остальные остались ждать автобус. Капли дождя лениво падали на блестящий мокрый асфальт. Я огляделся по сторонам в поисках такси. Ни одной машины. Возле билетной кассы я увидел телефонную будку. Зайдя в нее, я нашел в справочнике раздел «Такси» и набрал номер одной из фирм. Мне сказали, что машина будет через пять минут. Я повесил трубку и понял, что предпочту мокнуть на дожде, чем ждать такси в будке, провонявшей дымом.

Я стоял и бездумно смотрел на стоянку. Автобус и машины уже уехали. Напротив меня находился вход на стоянку, а за стоянкой я увидел тускло освещенную улицу с муниципальными домами. Все выглядело так же, как и восемь лет назад, когда я был здесь в последний раз. Это место подходит лишь для того, чтобы с ним попрощаться.

Я вспомнил, что сказал мне Фрэнк на похоронах отца в мой последний приезд.

Я ел сэндвич с яйцом и разговаривал с миссис Гортон, когда ко мне через толпу протолкался Фрэнк и попросил на минуту подняться с ним наверх.

Я последовал за ним в нашу старую спальню. Он вынул письмо и сказал: «Прочти». Продолжая есть сэндвич, я взглянул на штемпель. Письмо пришло из Сандерленда. Судя по дате, четыре дня назад. Я вытащил письмо из конверта, развернул его и взглянул на подпись.

Поняв, от кого оно, я посмотрел на Фрэнка.

«Прочти», – повторил он.

Такси въехало на стоянку. Машина была новой, с ярко горящим значком на крыше. Такси остановилось напротив меня, водитель обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

– Мистер Картер?

Я пошел к машине, а водитель подхватил мою сумку и поставил ее на заднее сиденье.

– Милая погодка, – сказал он.

Я сел на пассажирское место, он – на свое.

– Так куда ехать? – спросил он. – К «Георгу»?

– К «Георгу», – ответил я.

Машина тронулась. Я полез в карман за сигаретами и, только вытащив пачку, вспомнил, что она пуста. Водитель достал пачку «Вейтс».

– Вот, – предложил он, – курите.

– Спасибо, – поблагодарил я и прикурил по сигарете нам обоим.

– Надолго к нам? – спросил водитель.

– Как получится.

– По делу?

– Не совсем.

Какое-то время мы ехали молча.

– Знаете город?

– Немного.

Мы ехали по той дороге, что начиналась от стоянки машин. Огни становились ярче. Впереди лежала главная улица.

Это было странное место – слишком крупное для поселка и слишком маленькое для города. В детстве оно напоминало мне город из вестерна. Такие города возникали на Западе в результате экономического подъема: одна-единственная улица, на которой расположены все необходимые для жизни города учреждения и заведения, а жилые кварталы тянутся вдоль грязных окраин. Муниципальные дома начинались сразу за «Вулвортом»¹. Стандартные домики в викторианском стиле примостились сбоку от «Маркса и Спенсера»². Газовый завод возвышался над чайной «Кардома». Плавательный бассейн и футбольное поле отделяло от муниципалитета всего несколько ярдов.

Это и в самом деле был город из вестерна. Тридцать лет назад на этом месте стояла богом забытая деревушка. А потом обнаружили известняк. Тридцать лет спустя деревушка превратилась в городок, который стал бы большим городом, если бы не кольцо сталелитейных заводов.

На поверхности город казался мертвым, ничто в нем не располагало к проведению приятного субботнего вечера. Но это только на поверхности. Имелись еще и глубинные уровни. Выбираешь любой, предъявляешь нужные верительные грамоты – и город, как любой другой, раскрывается перед тобой во всей своей красе. Или уродстве.

А еще в городе были деньги. Благодаря заводам деньги валялись везде. Муниципальные дома с семьями из четырех человек – мама, папа, сын и дочь – давали доход. Примерно восемьдесят фунтов в неделю. Прибыльное местечко, особенно если ты большая «шишка», владеющая множеством мелких структур. Служащие этих мелких структур собирают деньги с муниципальных домов. А муниципальных домов в городе много. Однажды я работал на одну букмекерскую контору на Прайори-Хилл. «Боже мой!» – подумал я, когда случайно узнал, сколько денег они загребают в неделю. Имея несколько таких контор, можно купить себе клуб «Челси». И «Кенсингтон». Тем более, если накладные расходы так же малы, как у того жадного ублюдка, на которого я работал.

Мы подъехали к «Георгу». На вывеске значилось «Отель «Георг»», но на самом деле это была просто большая ночлежка, где предоставляли койку на ночь и кормили завтраком. Снаружи здание покрывал слой защитной краски «Сноусемед», все деревянные детали были выкрашены в синий цвет, на окнах стояли кованые решетки, но я знал, что внутри – сплошное убожество. Я начал шататься по пивным с пятнадцати, и «Георг» был единственным заведением, куда я не решался зайти. Он выглядел чрезвычайно респектабельно. Позже я понял, что

---

¹ «Вулворт» – сеть продовольственных супермаркетов в Великобритании.

² «Маркс энд Спенсер» – сеть крупных универмагов в Великобритании с товарами для среднего класса.

внутри дело обстоит иначе. Я и потом не ходил в него, только уже по другим причинам. Сейчас же он подходил мне как нельзя лучше.

Водитель обошел машину и открыл мою дверцу. Я выбрался на тротуар. Водитель достал мою сумку с заднего сиденья.

– Сколько? – спросил я.

– Пять шиллингов, – ответил он.

– Держите. – Я дал ему семь шиллингов и пять пенсов.

– Спасибо, – поблагодарил водитель. – Всего хорошего.

Он собрался было отнести мою сумку в гостиницу.

– Не надо, – остановил я, – я сам.

Он отдал мне сумку, и я пошел к двери.

– Сэр, – окликнул он меня, – сэр, если в течение ближайших нескольких дней вам что-нибудь понадобится, к примеру съездить куда-то, позвоните нам. Ладно?

Я повернулся и посмотрел на него. В синем свете неоновой вывески и в мертвенном свете уличных фонарей он походил на человека, страдающего удушьем. Казалось, ему срочно нужна кислородная подушка. В его глазах отражалось искреннее желание услужить. Капли дождя на лбу напоминали испарину. Я продолжал смотреть на него. Подобострастие исчезло из его взгляда.

– Я же сказал: я сам, – бросил я.

Осмысливая мои слова, он взглянул сначала на сумку, потом на меня, попытался нахмуриться, но из-за страха на его лице появилось не сердитое, а обиженное выражение.

– Я просто хотел помочь, – проговорил он. Я улыбнулся.

– Спокойной ночи, – сказал я и, подойдя к двери с надписью «Салун», открыл ее. Я не слышал, чтобы водитель такси хлопнул дверцей.

«Дилетанты, – подумал я. – Мерзкие, вонючие дилетанты». Я закрыл за собой дверь.

Надо отдать должное хозяину: он действительно пытался сделать свое заведение привлекательным для сорокалетних супружеских пар, желающих приятно провести субботний вечер.

Комнату украшали тисненные обои в полоску, дешевка, которая пыталась сойти за бархат. Были и фотообои с видом Капри во всю стену. Пристенные диваны, обтянутые искусственной кожей, казались совсем новыми, как будто им всего год-другой. Столы и барная стойка были сделаны из жаростойкого пластика. Несколько бессмысленных пластмассовых перегородок, имитировавших ковку, разделяли помещение. И самое главное: на хозяине была чистая рубашка.

Двое подростков топтались у игорного автомата. За одним из столиков сидел старик с полупинтой горького пива и проспектом тюнинговой компании «Рейсинг Грин». Напротив него старая шлюха в брючном костюме пила «Гиннес», оставляя следы губной помады на стакане. Того, кого я искал, среди посетителей не было.

Часы показывали четверть восьмого.

Я подошел к бару. Хозяин задумчиво смотрел в кассовый ящик. Бармен стоял, привалившись к зеркальной стене и сложив руки на груди. Его волосы были уложены в ирландском стиле, как у Тони Кертиса. В конце стойки сидел мужчина лет тридцати в кардигане от «Маркс и Спенсер» и серовато-зеленой рубашке с расстегнутым воротом. Мужчина смотрел на свое отражение в зеркале.

Я поставил на пол сумку и устремил взгляд на бармена. Тот даже не шевельнулся.

– Пинту темного, – сказал я.

Бармен лениво потянулся за кружкой, неторопливо подошел к кранам и начал наливать пиво.

– В стакане, пожалуйста, – сказал я.

Бармен посмотрел на меня, а мужчина за стойкой – на бармена.

– Почему, черт побери, вы не предупредили? – процедил тот, медленно поднимая пивной кран.

– Хотел, но вы так резво бросились обслуживать меня.

Мужчина за стойкой закинул голову и громко рассмеялся.

Бармен посмотрел на мужчину, потом на меня. Это движение заняло у него полминуты. Еще полминуты ему потребовалось на то, чтобы понять, что меня не следует обзывать «острым хреновым». В конечном итоге он нашел стакан, вылил в него пиво из кружки и долил еще немного из крана. Спустя еще одну минуту увлекательного ожидания пиво стояло передо мной.

– Сколько? – спросил я.

– Шиллинг десять, – ответил бармен.

Я дал ему ровно один шиллинг и десять пенсов, взял стакан и сел на один из пристенных диванов, подальше от всех. Сделав большой глоток, я приготовился ждать. Она могла прийти в любую минуту.

Через четверть часа я подошел к стойке, и резвому бармену пришлось наливать мне еще одну порцию пива. Когда я вернулся к своему месту, где-то наверху зазвонил телефон. Хозяин оторвался от того, что было или чего не было в его кассовом ящике, обошел стойку и поднялся по лестнице. Вскоре он снова появился в зале.

– Здесь есть некий мистер Картер? – спросил он, глядя на меня с тем же выражением на лице, что появляется у всех содержателей пабов, когда им приходится подзывать к телефону кого-то из посетителей.

Я встал.

– Это я, – сказал я.

Не посчитав нужным вдаваться в подробности, я пошел к лестнице. Двигаясь на звуки сериала «Улица Коронации», я добрался до лестничной площадки с таксофоном и взял болтавшуюся на проводе трубку.

– Аллю? – сказал я.

– Джек Картер? – осведомилась она.

– Тебе следовало быть здесь четверть часа назад.

– Знаю. Я не смогла.

– Почему?

– Из-за мужа. Он поменялся сменами. С десяти на два. – Я промолчал. – Я обо всем договорилась.

– На какое время?

– На полдесятого.

– Ты достала цветы?

– Да.

Я вытащил сигарету.

– Дорин дома?

– Нет. Она у подруги.

– А с ним кто?

– Не знаю.

– Но он же не один?

– Не знаю.

– Тогда пойд и выясни.

– Не могу.

– Почему?

– Потому же, почему не смогла прийти к тебе.

Молчание.

– Послушай, – сказал я, – когда я смогу увидеть тебя?

- Не сможешь.
- А завтра ты будешь там?
- Нет.
- Послушай...
- Дверь на щеколде, – сказала она. – Он в гостиной.

Она отсоединилась. Несколько секунд я смотрел на молчавшую трубку, потом повесил ее на рычаг, спустился вниз и стоя допил пиво. После этого я взял свою сумку и вышел под дождь.

* * *

Я повернул налево и пошел по темной улице, вдоль которой стояли стандартные домики с крохотными садиками. Над дождем и темнотой скользили тучи, подсвеченные заревом от сталелитейных заводов. Я снова повернул налево на точно такую же улицу. Единственное отличие заключалось в том, что эта заканчивалась дорогой, которая вела из города. Она вилась между заводами и уходила в холмы. В конце улицы я перешел на противоположную сторону, туда, где находился «Гараж и аренда машин Паркера».

Я постучал в стеклянную дверь конторы. Ответа не последовало. Я постучал сильнее. Внутренняя дверь позади картотечного шкафа открылась, и в контору вошел мужчина в рабочем халате и шерстяной шапке с помпоном.

- Открыв дверь, он посмотрел на меня, ожидая, когда я объясню, что мне нужно.
- Я хотел бы арендовать машину, – сказал я.
- Надолго? – спросил он.
- На несколько дней, – ответил я. – Я надолго не задержусь.

* * *

Я проехал через город по боковым улицам, параллельным Хай-стрит, и наконец добрался до Холден-стрит, улицы, где, насколько я знал, каждый дом – пансион с ночлегом и завтраком. После похорон Фрэнка я начну действовать, и мне надо где-то жить. Дома нельзя, там Дорин. Не хочу втягивать ее.

Я нашел пансион с гаражом и, припарковав машину перед зданием, прошел по дорожке и постучал в дверь. Дом отличали треугольные окна и крохотная терраса. Верхняя половина входной двери была сделана из матового стекла с бордюром из разноцветных стеклянных квадратов. Наличники на обе стороны двери представляли собой такие же бордюры, только поуже. Через стекло я увидел приближающуюся тень, и дверь открылась.

Она была ничего. Около сорока, вернее, чуть за сорок, с химической завивкой, чуть тяжеловатым, умело напудренным лицом и большой грудью. Блузка апаш была заправлена в обтягивающую юбку. Строга к «не тем» клиентам, а вот какова она по отношению к «тем»?

У нее был такой вид, будто ей приятно видеть меня.

- Неужели мне повезло? – сказал я.
- С чем? – поинтересовалась она.
- С гостиницей. У вас есть свободные номера?
- Есть.
- Отлично, – сказал я.

Она отошла в сторону, приглашая меня войти. Я колебался.

– Послушайте, – проговорил я, – дело в том, что прямо сейчас, вернее, на эту ночь номер мне не нужен, он понадобится на завтра и на субботу, возможно, и на воскресенье.

Она переступила с ноги на ногу.

- Вот как? – сказала она.

– Да, вот так. Сегодня я переночую у друзей, а завтра – вы же понимаете – это будет неудобно.

– Ее муж назавтра поменялся сменами, верно?

– Ну, э-э, не совсем так, – промямлил я.

– Да, – сказала она, собираясь уходить, – совсем не так.

– Есть еще одна проблема, – сказал я. Она повернулась. – Видите ли, у меня машина. Конечно, ее можно было бы оставить на улице, но я заметил, что у вас есть гараж. Если он пустой, я мог бы поставить ее туда. Сегодня же. – Она продолжала смотреть на меня. – Я заплачу, – поспешно добавил я.

Она еще некоторое время смотрела на меня, прежде чем сказала:

– Да, вряд ли вы можете оставить машину у ее дома, не так ли?

– Спасибо, – поблагодарил я, входя в дом вслед за ней, – вы очень добры.

– Я знаю, – заявила она.

Она стала подниматься по лестнице. С ногами у нее все было в порядке, да и с попкой тоже – мускулистая, крепкая. Если бы она не следила за собой, у нее сейчас была бы огромная тяжелая задница.

Владелица пансиона поднялась наверх и повернулась, а я продолжал разглядывать ее.

– Вы путешествуете? – спросила она.

– Можно сказать и так, – ответил я.

– Понятно, – сказала она, пересекла лестничную площадку и открыла дверь. – Это подойдет?

– О да, – ответил я. – То, что надо. – Я оглядел комнату, давая ей понять, что очень доволен. – То, что надо. – Я вытащил бумажник. – Я заплачу сейчас, если хотите, заплачу и за эту ночь, чтобы номер остался за мной.

– Это будет чудовищной глупостью, – заявила она. – Вы первый постоялец с понедельника.

– Ну, если вы так уверены, – сказал я. – Сколько?

– Пятьдесят за две ночи и завтрак. За гараж хватит фунта. Если решите остаться подольше, дайте нам знать в воскресенье утром.

Я отдал ей деньги. Она сложила купюры и сунула в карман юбки.

– Как я уже сказал, – напомнил я, – я въеду завтра ближе к вечеру.

– Как пожелаете.

– Отлично, – подытожил я.

Мы спустились вниз. У двери она сказала:

– Я открою гараж.

Я завел машину и развернулся. Владелица подняла вверх дверь гаража, и я въехал внутрь.

– Скажите, – спросил я, – а завтра вы будете дома весь день?

– А зачем вам?

– Дело в том, что завтра вечером мне может понадобиться машина.

– Я всегда дома после двенадцати, – сказала она.

– Отлично, – кивнул я. – Замечательно. – Я вышел из гаража. – Еще раз спасибо, – сказал я, поворачиваясь к ней.

Она смотрела на меня без всякого выражения на лице, однако я увидел какой-то намек на эмоции. Возможно, это была улыбка, только эта улыбка оказалась бы саркастической, выпусти она ее наружу. Наконец владелица решила закрыть дверь гаража.

Я вышел на тротуар и повернул к Хай-стрит. Я улыбался. Меня позабавило, как она восприняла меня, когда решила, что со мной все ясно. Не исключено, что ее мнение обо мне может оказаться полезным.

Я был уже у Хай-стрит, когда заметил, что дождь кончился.

Повернув налево, я прошел мимо кинотеатра «Оксфорд» и кондитерской Уолтона. В детстве нам очень нравилось собираться у входа в кондитерскую и наблюдать за окрестной жизнью. Это был лучший подъезд на всей Хай-стрит. Достаточно просторный, чтобы вместить до двенадцати мальчишек, и не очень сильно продуваемый зимой. Пекер Вуд, Артур Коулмен, Пигги Джеклин, Незер Айрис, Тед Роуз, Алан Стемп – мы все любили собираться там перед началом сеанса, и, если у нас не было денег на кино, мы толклись в парадном, пока не наступало время идти домой. Джек Коулмен, Говард Шефердсон, Дейв Петчет. Интересно, что с ними стало?

И, конечно же, Фрэнк. Но о том, что случилось с Фрэнком, я знал.

И собирался с этим разобраться.

Я добрался до Джексон-стрит. На углу, где всегда была бакалейная лавка Роусона, находился тот же самый дом с точно таким же фасадом тридцатых годов, однако покрашен он был в желтый цвет (рамы, деревянная отделка), вместо надписи «Семейный магазин Роусонов» на вывеске строгим шрифтом было выведено: «Шарманка», а вместо бутылок пива из одуванчика и лопуха, стоявших на бледно-желтой гофрированной бумаге, карточек со знаменитыми летчиками и эмблем «Вимто»³ в витрине теперь была одежда для геев, военная форма и большие фотографии рок-групп. Магазин примыкал к ряду похожих на виллы домиков с эркерами, тянувшихся вдоль одной стороны Джексон-стрит. На противоположном конце улицы, за металлической оградой, находился пустырь, заросший желтой травой. Пустырь ограничивала канава, узкая болотистая траншея, где мы с Фрэнком и другими мальчишками прятались, чтобы нас не было видно из домов, и занимались всем чем угодно. Во всяком случае, я и несколько других мальчишек занимались, а вот после того, как Валери Маршбенкс показала всем свои трусики и назначила плату в пенни за то, чтобы потрогать ее в присутствии Кристины Халл, которой нравилось наблюдать за этим, Фрэнк больше там не появлялся, однако он знал, что там происходит, и, когда я возвращался домой, он продолжал читать свой комикс и молчал, и мне становилось мерзко на душе. Иногда это тянулось так долго, что мама приказывала ему разглядеть физиономию, черт возьми, грозя отправить в постель раньше времени, и он вставал, брал свой комикс и уходил, не глядя на меня. А когда я поднимался в спальню, свет обычно был погашен, но я знал, что он не спит, и мне становилось еще хуже оттого, что приходится ложиться спать в темноте и слушать, как он думает. Я всеми силами оттягивал тот момент, когда надо идти спать, потому что он не спал, а потом я сам долго не спал, потому что боялся дышать, зная, что он думает обо мне.

Я прошел Джексон-стрит до конца. Изгородь осталась на том же месте, да и траву не всю вытоптали, а вот канава исчезла, ее засыпали, и теперь на ее месте находился машиностроительный цех. В свете уличного фонаря кирпич, из которого было построено здание, казался желтым. Внутри цеха работал токарный станок – видимо, кто-то остался на сверхурочные.

Я подошел к дому сорок восемь. Шторы, естественно, были опущены, но в эркере горел свет, освещающая живую изгородь из бирючины в четырех футах от окна.

Я открыл входную дверь.

На стенах были новые обои, современные, с вершами для омаров, рыболовными сетями и одинокими, выгашенными на берег яхтами – все в светло-коричневых и бледно-зеленых тонах. Он закрыл перила лестницы деревянными панелями, покрасил их и повесил на них картины. Пол холла и лестницу покрывал темно-красный ковер, который через каждые три ступени был закреплен прутком из желтого металла.

Я прошел в буфетную.

По обе стороны от печной трубы он соорудил полки. С одной стороны стоял телевизор, почти утопленный в проем. Многочисленные ячейки были заполнены всякой мелочью: фото-

---

³ «Вимто» – английская компания, производящая соки и напитки.

графией в рамках, стеклянными фигурками и вазами для фруктов. В одной из ячеек лежала стопка «ТВ Таймс» и «Радио Таймс». С другой стороны все полки были заняты книгами.

Нижние ряды полок занимали номера «Ридерз Дайджест», «Бескрайнего мира», «Сокровищницы», «Настоящего мужчины», «Оружия в иллюстрациях», «Практических советов домашнему мастеру», еженедельника «Канадская звезда», «Нэшил Джеографик». Над журналами стояли книги в мягких обложках: Люк Шорт, Макс Бренд, Дж. Т. Идсон, Луи Лямур. Еще были Рассел Брэддон, В. Б. Томас и Гай Гибсон. А также Виктор Каннинг и Алистер Маклин, Юарт Брукс и Ян Флеминг. Еще Билл Боуз, Стенли Меттьюз и Бобби Чарлтон. И Барбара Тачман, Уинстон Черчилль, генерал Пэттон, Оди Мерфи. Над книгами было отведено место под музыку: «Голдстрим Гардз», Эрик Коатс, Стэн Кентон, Рей Энтони, Мел Торм, Фрэнки Лейн, Тед Хит, Воган Вильямс.

Его тапочки стояли на кафельной полке под печкой. Вращающийся стул, обтянутый черной кожей, был повернут к телевизору.

В печке огня не было.

Я заглянул в кухню. Здесь царил полный порядок. Вишнево-красная пластмассовая раковина была тщательно вымыта. Мусорное ведро стояло пустое. Пуста была и собачья миска.

Я вернулся в буфетную, открыл дверь, ведущую в гостиную, и зажег стоявшую на камине небольшую лампу с темно-красным абажуром.

Цветов было немного: мой венок, огромный букет от Маргарет и еще один венок от Дорин.

Гроб стоял головой к эркеру и делил комнату пополам. Рядом с гробом стоял стул из столовой. Я подошел поближе и заглянул в гроб. Я давно его не видел. Смерть почти не изменила его, лицо просто собрало воедино разбросанные в памяти частицы.

Как обычно, когда видишь мертвым того, кого когда-то видел живым, трудно поверить, что это один и тот же человек. Его лицо казалось фарфоровым. Мне даже показалось, что оно зазвонит, как фарфор, если я постучу по лбу.

– Эх, Фрэнк, – сказал я. – Эх, Фрэнк.

Я еще немного постоял, потом сел на стул.

Я что-то сказал – не знаю даже, что именно, – несколько минут посидел, положив голову на край гроба, выпрямился, расстегнул куртку и вытащил сигареты. Закурив, я медленно выдохнул дым и оглядел то, что осталось от Фрэнка.

Я с грустью понял, что совсем не знал его. Все, что я помнил о нем, все эти мелочи, сохранившиеся в памяти, казались ненастоящими. Они напоминали кадры из фильма. И те короткие кадры из прошлого, в которых я видел себя, тоже казались мне ненастоящими. Ненастоящими казались и место действия, и цвет, и даже облака, которые плыли над нами в небе, когда мы что-то делали внизу, на земле.

Я вытащил фляжку и сделал глоток. И снова взглянул на Фрэнка. Я еще некоторое время смотрел на него, потом завинтил крышку и вышел в буфетную, закрыв за собой дверь.

Я прошел через холл, поднялся наверх и открыл первую от лестницы дверь. Это была комната Дорин. Раньше в этой комнате жили мы с Фрэнком. На обоях были нарисованы гитары, ноты и микрофоны. К стенам скотчем были приклеены постеры из журналов с фотографиями «Битлз», «Муди Блюз», «Тремелос», Дейва Ди, Доузи, Бики, Мика и Тича. Магнитофон стоял в нише стенного шкафа рядом с раскладным диваном. Напротив дивана был комод из светлого дерева. Гардероб представлял собой угол, отгороженный занавеской на металлической штанге. Один ящик комода был открыт, и оттуда свисал чулок. Я прошел в комнату Фрэнка. Раньше здесь жили мама с папой. Обстановка осталась довоенной: и кровать, и высокий комод, и шкаф. И даже линолеум на полу. Все блестело чистотой. На каминной полке я увидел нашу с Фрэнком фотографию в рамке: наряженные в выходные костюмы, мы, два подростка, стоим у здания

Армии спасения. Мы не были членами Армии спасения, но мы пели у них каждое воскресное утро просто потому, что нам это нравилось, ради разнообразия.

Я сел на кровать, и пружины застонали. Зеленый линолеум казался ледяным. Я бросил окурок на пол и затушил его ногой. Я немного посидел на кровати Фрэнка, спустился вниз, взял свою сумку и вернулся обратно.

Я уже готовился ко сну, когда вспомнил кое-что. Я огляделся по сторонам, гадая, сохранил ли он его. Хотя зачем он ему? С другой стороны, зачем его выбрасывать? Я подошел к шкафу и, решив проверить на всякий случай, открыл дверцу.

Ствол блеснул под одеждой Фрэнка, висевшей на перекладине. Я встал на четвереньки, осторожно взял его у спускового крючка и потянул к себе. Ствол ударился о заднюю стенку шкафа. Звук получился гулким и холодным эхом разнесся по комнате. Рядом с ружьем я обнаружил коробку с патронами, достал ее и вместе с ружьем отнес на кровать.

Я смотрел на ружье. Боже, мы из кожи вон лезли, чтобы скопить на него. Почти два года, оба. Отказывались от кино, от футбола, от петард. Мы заключили договор: если один из нас сорвется, другой заберет все деньги и потратит их, как захочет. Я знал, что Фрэнк не сорвется. А вот я, наверное, мог бы. И он тоже так считал. Однако я каким-то образом удержался.

Наконец мы купили его. И стали трястись, опасаясь, что отец найдет его. Он сломал бы его, причем у нас на глазах. Мы прятали его у Незера Айриса и забирали по воскресеньям. Взяв его в руки, мы тряслись от страха и успокаивались только тогда, когда оказывались далеко от Джексон-стрит.

Унося его, мы петляли по городу. Мне всегда казалось, что, когда наступает моя очередь нести его, время летит быстрее, чем когда его несет Фрэнк. Мы побывали с ним везде: в Бэк-Хилл, Сандерсенз-Флетс, Фэллоу-Филдз. Безопаснее всего было на берегу реки. Чтобы добраться до реки, мы проезжали на велосипеде целых девять миль, но игра стоила свеч. Река была широкой, почти две мили, а ее берега пустынные. Больше всего нам там нравилось зимой, когда под серым небом свободно гулял ветер. Укутавшись, мы шли против ветра и несли с собой ружье.

Это были лучшие моменты моего детства. Вдвоем с Фрэнком, далеко от дома, на берег реки. Это было до того, как он начал ненавидеть меня.

Но ведь меня тоже не переполняла братская любовь к нему.

Он стал ужасно самодовольным во всем. Всегда принимал сторону отца, причем молча, без слов. Давал мне это понять своими взглядами. Возможно, поэтому я иногда начинал ненавидеть его. Я догадывался, что он считает, будто правильно оценивает меня. Гм, он действительно оценивал правильно. Ну и что из этого, черт побери? Ведь в этой показухе не было надобности. Я оставался таким же, как и до того, как он начал ненавидеть меня. Просто он кое-что узнал. И не видел возможности повлиять на ситуацию. Чем меньше говорят обо мне и со мной, тем лучше. Он не понимал, что причиной нашей ссоры с отцом было именно отношение Фрэнка ко мне.

Но все это в прошлом. Умерло, как умер Фрэнк. Ничто уже не изменишь. Однако кое-что можно уладить. Ради прошлого.

ПЯТНИЦА

Я понял, что на улице ветрено, еще до того, как услышал завывания ветра. Между шторами пробивался дневной свет. Я понял, что погода плохая, по свету, который пробивался в щель между шторами.

Я перекатился на спину и посмотрел на часы. Без четверти восемь. Я взял сигарету и закурил, глядя, как узкая полоска дневного света рассеивается в тени потолка. Меня стало охватывать нетерпение, я злился на себя за то, что лежу здесь и курю, сбрасывая пепел в пепельницу на груди, вместо того чтобы встать и заняться делом.

Наконец я вылез из постели, пошел в холодную ванную и приготовился к новому дню. За матовыми стеклами свистел ветер.

Я спустился вниз и включил радио, потом сходил на кухню, нашел чайницу и поставил чайник на газ. Заварив чай, я принялся застегивать запонки.

Задняя дверь открылась, и вошла Дорин, одетая в короткий черный плащ, довольно симпатичный. На голове у нее было нечто в стиле Гарбо. Ее длинные светло-золотистые волосы спадали спереди с обеих сторон, и доходя почти до груди.

Она минуту смотрела на меня, потом закрыла дверь и, сняв шляпку, положила ее на сушилку для посуды. Сунув руки в карманы и устремив взгляд в пол, она стояла у двери и не двигалась. Она выглядела скорее раздраженной, чем несчастной. Я справился с запонками.

– Привет, Дорин, – сказал я.

– Привет, – буркнула она.

– Как себя чувствуешь? – спросил я.

– А ты как думаешь?

Я принялся наливать чай.

– Я очень сожалею о смерти твоего папы, – сказал я. Она промолчала. Я предложил ей чаю, но она скривилась.

– Музыкачку слушаешь, да? – съязвила она.

– В доме очень холодно, – сказал я. – К тому же...

Она пожала плечами, прошла в буфетную и, так и не вынув руки из карманов, села на стул Фрэнка. Я последовал за ней и, присев на подлокотник дивана, стал пить чай.

– Дорин, мне действительно очень жаль, – сказал я. – Ведь он мой брат, между прочим. – Она опять промолчала. – Даже не знаю, что сказать.

Молчание.

Я не хотел ни о чем расспрашивать ее до похорон, поэтому проговорил:

– Просто не верится. Не верится, и все. Он всегда был так осторожен.

Молчание.

– Я имею в виду, он никогда не пил больше половины порции.

Молчание.

– И не прогуливал работу.

По лицу Дорин покатались две слезинки.

– Может, его что-нибудь тревожило, а? Ну, что-то такое, из-за чего он потерял осторожность?

Молчание. Слезы продолжали течь.

– Дорин?

Она резко повернулась вместе с креслом.

– Заткнись! – закричала она. Слезы уже градом текли по щекам. – Заткнись! Я не вынесу!

Она вскочила и, подбежав к раковине, остановилась. Ее плечи дрожали, руки безвольно висели вдоль тела.

– Что не вынесешь, дорогая? – спросил я, подходя к ней. – Что ты не вынесешь?
– Папа, – заговорила она. – Папа. Ведь он мертв, да? – Она повернулась ко мне. – Да?
Я развел руки, и она уткнулась мне в грудь. Я обнял ее.

Через некоторое время она выпрямилась, и я снова предложил ей чаю. На этот раз она согласилась. Я сел рядом с раковиной на высокий табурет, обтянутый красной искусственной кожей, и наблюдал, как она то подносит чашку к губам, чтобы сделать глоток, то смотрит в нее. «Интересно, – подумал я, – она такая потому, что в гостиной лежит ее мертвый отец, или есть другая причина». Я не мог дать четкий ответ. Восемь лет назад, когда мы виделись с ней в последний раз, ей было семь, поэтому я не знаю, что она собой представляет. Хотя догадываюсь.

Она выглядела старше своих пятнадцати. Я бы и сам не удержался от всяких мыслей, если бы Дорин не была моей племянницей. Сразу ясно: она знает, что есть что. Это видно по ее глазам. Интересно, знал ли Фрэнк, что она не девственница. Не исключено. Но не признавался в этом сам себе. И если его что-то тревожило, не признался бы ей. Таков был Фрэнк. Следовательно, нет оснований считать, будто ей что-то известно, если не предполагать, что она видела или слышала нечто важное, а Фрэнк не знал, что она это видела или слышала. Если она что-то видела или слышала, я это выясню, но не сегодня.

Я слез с табурета, прошел в буфетную и выключил радио. Была половина девятого. На улице прогрохотала тележка молочника. Я вернулся в кухню.

– Хочешь сигарету? – спросил я.

Дорин кивнула и поставила чашку на стол. Я прикурил две сигареты. Курильщиком она была не заядлым. После нескольких затяжек я спросил:

– И что ты собираешься теперь делать?

– Не знаю.

– Ты же не останешься здесь, верно?

Она помотала головой.

– Послушай, – сказал я, – конечно, ты меня плохо знаешь, а то, что знаешь, тебе не нравится, но у меня к тебе предложение. Возможно, идея будет тебе не по душе, и все же мне хочется, чтобы ты хорошенько обдумала ее в ближайшее время. На следующей неделе я уезжаю в Южную Африку. С женщиной, на которой, скорее всего, женюсь. Мы вылетаем в среду. У меня три билета. Почему бы тебе не поехать с нами?

Она посмотрела на меня. Я не смог понять, какие мысли бродят у нее в голове.

– Подумай над этим. Я был бы рад, если бы ты поехала. Надо бы закончить дела с твоим папой.

– Очаровательно, – проговорила она. – Я начинаю чувствовать себя действительно нужной.

– Я пробуду здесь все выходные, – сказал я. – У тебя есть время решить.

– Нет, спасибо.

Она продолжала смотреть на меня. Я бросил взгляд на часы.

– Они придут сюда без четверти, – напомнил я. – Есть еще пять минут. Хочешь побыть с ним до их прихода?

Она отвела взгляд. И снова стала пятнадцатилетней.

– Нет.

– Он был бы рад, – сказал я. Она всхлипнула.

– Иди, – сказал я. – Время еще есть.

Она положила сигарету на блюдце и ушла, а через пять минут вернулась. Ее щеки были мокрыми, а глаза покраснели.

Я надел куртку, прошел в гостиную и встал у гроба. Лицо Фрэнка было обращено к потолку. На свете не было ничего более спокойного, чем это лицо.

За окном послышался шум мотора, а потом в дверь постучали.

– Прощай, Фрэнк, – сказал я.

Я вышел из комнаты в холл и открыл дверь. На крыльце стоял мужчина в высокой шляпе.

– Доброе утро, сэр, – сказал он характерным голосом.

* * *

Мы вышли из церкви и снова сели в машину – мы с Дорин на заднее сиденье, викарий рядом с водителем. Мы ехали по окраинам. На одном из перекрестков старикан на старом, как он сам, велосипеде остановился, снял шляпу и проводил нас взглядом.

После продолжительного молчания викарий уперся локтем в спинку сиденья, повернулся к нам и сказал:

– Мистер Картер, вы видите, что за время вашего отсутствия в городе произошли некоторые изменения.

– Немалые, – сказал я.

– Да, – согласился он. – Все меняется. Хотя, на мой взгляд, не так быстро. Однажды все это исчезнет. И люди, хвала небесам, поселятся в приличных районах, где будут воспитывать своих детей. В таких районах, где детям захочется идти домой, а не бегать по улицам.

Я сказал:

– Допускаю, что на месте этих районов возникнет что-то лучшее.

– О, – воскликнул викарий, – это обязательно будет лучше. Другого не дано.

– Разве? – сказал я.

И посмотрел на него. У него были песочного цвета волосы, песочного цвета очки и желтоватое лицо. Трудно было определить его возраст.

Мы съехали с холма к кладбищу. День был ясным и ветреным, и низкие облака носились наперегонки на фоне солнца.

* * *

Кроме викария, могильщика и представителя похоронного бюро на похоронах присутствовали мы с Дорин и два типа, которые стояли рядом с выгруженным из катафалка гробом. одному из них было около пятидесяти, другому – года двадцать два – двадцать три. Оба очень походили на барменов. Сверху, в рубашках с чистыми воротниками и в галстуках, они были аккуратны до невозможности, но чем ниже, тем неряшливее они становились. У ботинок от опрятного вида не оставалось и намека. Они стояли со склоненными головами и сомкнутыми впереди руками.

Пока викарий читал молитву, я держал Дорин за руку. Небритый могильщик был одет в военную шинель с поднятым воротником и то и дело поглядывал на Дорин, грязный ублюдок.

– Прах к праху, земля к земле...

Я нагнулся, поднял горсть земли и отсыпал немного Дорин. Бармены шагнули вперед и тоже взяли земли, а потом вместе с нами бросили ее на опускающийся гроб. И отошли. Старший кашлянул, прикрывая рот рукой, и сосредоточил свое внимание на викарии. Младший тоже продемонстрировал хорошие манеры.

Викарий затянул «Слово жизни». Дорин пропела несколько первых слов, затрясла головой и замолчала. Могильщик энергично работал лопатой. Ветер настойчиво забирался под одежду. В десятке рядов от нас две женщины средних лет остановились, поглядели на нас и пошли дальше к своим могилам.

На этом все и закончилось.

* * *

Я повел Дорин прочь от могилы. Она оглянулась на что-то – я так и не понял, на что именно, и вдруг споткнулась. Бармены попятнулись, пропуская нас. Я кивнул им.

Мы подошли к машинам. Я посмотрел в сторону ворот. За оградой стояла блондинка в ярко-зеленом пальто с поясом.

– Это Маргарет? – спросил я. Дорин кивнула.

Я внимательнее посмотрел на женщину. Она не двигалась. Дорин забралась в машину.

– Я сейчас, – сказал я и окликнул барменов, которые шли к своей машине. – Подождите, пожалуйста.

Они переглянулись. Старший посмотрел на часы и кивнул. Я пошел к воротам. Маргарет стояла на том же месте. Она оказалась довольно привлекательной. Единственным ее недостатком было то, что она была похожа именно на то, чем являлась: дешевой певичкой.

– Кажется, ты утверждала, что не придешь, – сказал я.

– Я передумала, – заявила она.

Сквозь акцент уроженки севера в ее речи довольно хорошо слышался лондонский выговор.

– Я рад, – сказал я. – Я хочу поговорить с тобой.

– О чем?

– О Дорин, – солгал я.

Она устремила взгляд на ожидающие машины.

– Все... все прошло хорошо? – спросила она.

– Отлично. Организовано идеально. Спасибо.

Ее глаза были влажными – но глаза подобных женщин всегда блестят.

– Я хочу поговорить с тобой, – повторил я. Она продолжала смотреть на машины.

– Как Дорин?

– А что ты ожидала? – спросил я. – Она знает о тебе и Фрэнке?

Маргарет улыбнулась. Ее улыбка означала, что она считает, будто я кое-что недопонимаю.

– Знала. А почему бы нет?

– Ну тогда поехали с нами. Прямо сейчас. Дорин нужна поддержка, а от меня проку мало.

Она покачала головой.

– Не могу, – сказала она, – и не проси.

– Тогда когда? Я тут должен кое-что уладить до отъезда. Позже сможешь?

– Нет, – ответила она.

– А завтра?

Она подняла на меня глаза.

– Ладно, – согласилась она. – Завтра утром. В «Сесиле» в двенадцать.

– Там, где работал Фрэнк, – уточнил я.

– Я знаю, – сказала она. – Я выбрала это место, потому что мужу слишком далеко идти туда от дома.

– Договорились, – сказал я. – До завтра.

Она повернулась и пошла прочь.

Я минуту наблюдал за ней, потом вернулся на кладбище.

* * *

Я отпер дверь. Дорин прошла в дом, за ней проследовали бармены. В холле Дорин сняла шляпку.

– Проходите, – обратился я к незнакомцам. – Я подойду через минуту.

Я поднялся наверх и достал из сумки имбирный эль и две бутылки виски. Когда я спустился вниз, Дорин чем-то занималась на кухне, а бармены стояли перед камином.

– Это подойдет? – спросил я, поднимая руку с бутылкой.

– О конечно, – ответил старший, – большое спасибо.

– Ага, – сказал младший.

Они старались выглядеть при исполнении и в то же время благодарными.

Я прошел на кухню. Дорин готовила чай.

– Дорин, дорогая, – сказал я, – где здесь стаканы?

Она указала на буфет. Я вынул стаканы и принялся разливать виски.

– Сколько они тут будут сидеть? – спросила она.

– Не знаю, дорогая, – ответил я. – Недолго.

Я открыл бутылку с имбирным элем и налил воды в небольшой кувшинчик.

– Выпьешь с нами? – спросил я. – Тебе пойдет на пользу.

Дорин пристально посмотрела на бутылку, потом налила себе виски и выпила его залпом, не разбавляя. При этом она скривилась, потом уставилась на дно стакана.

Я отнес три стакана в гостиную.

– Воды или эля? – предложил я. Старший захотел эля, а младший – воды.

Я вернулся на кухню. Дорин уже успела выпить вторую порцию.

– Ты присоединишься к нам? – спросил я.

Она помотала головой. Я положил руку ей на плечо.

– Устраивайся поудобнее, – сказал я. – Займись чем-нибудь приятным.

Я вернулся в гостиную, поставил бутылку с элем и кувшин с водой на журнальный столик перед диваном.

– Прошу, – пригласил я. Бармены приготовили себе выпивку.

– За тех, кто не с нами, – провозгласил я.

– За тех, кто не с нами, – повторили они. Мы выпили.

Как выяснилось, старшего звали Эдди Эпплайрд. Его длинные курчавые черные волосы были зачесаны назад, начавшие уже седеять длинные бачки тянулись вдоль обеих щек и напоминали заплатки. У него были искусственные зубы, которые были плохо подогнаны. И он был местным.

Младшего звали Кейт Лейси. У него были лицо и тело юного футболиста: лицо – плоское, а тело – сбитое и крепкое. Его светлые волосы завивались бы, если бы он не стриг их «ежиком». На безымянном пальце левой руки красовалось золотое кольцо. Родом он был из Ливерпуля.

Я снова наполнил стаканы.

– Итак, – сказал я, – мне хотелось бы поблагодарить вас за то, что пришли.

– Не благодарите нас, мистер Картер, – сказал Эдди. – Фрэнк был отличным парнем.

– И то верно, – поддакнул Кейт.

– Одним из лучших, – добавил Эдди.

– Вы давно знали его? – поинтересовался я.

– Я? – переспросил Эдди. – Мы познакомились, когда работали в мужском клубе в Лингхолме. Это было – дай бог памяти – пять, нет, шесть лет назад. Мы сразу подружились. Через год я уволился, пошел в «Корону и якорь», но мы все равно продолжали видеться по субботам. Он тоже сменил работу, мы оба работали недалеко от стадиона и обычно встречались в

половине четвертого, после того как подгребали все на рабочем месте. Мы брали по паре кусков горячего пирога и устраивались на стадионе. Конечно, мы опаздывали к началу матча на полчаса, но все равно ходили. Мы не пропустили ни одной игры, даже когда они опустились до третьего места.

– Да, – сказал я, – Фрэнк любил футбол. В детстве он всегда ходил на матчи.

– Я даже не поверил, когда услышал, – сказал Кейт. – Я имею в виду, я страшно удивился, когда он не появился к вечерней смене – Фрэнк всегда был пунктуальным, приходил первым. И пил только полстакана – ну, вы понимаете. Он всегда говорил, что оставляет машину, когда хочет выпить, чтобы получить удовольствие.

– Я знаю, – сказал я. – Фрэнк всегда был осторожен.

Повисло молчание.

– До сих пор не верится, – сказал Кейт.

Мы выпили, и я пустил бутылку по кругу.

– Все любили Фрэнка, – сказал Эдди.

Опять наступило молчание.

– Он много хорошего рассказывал о вас, мистер Картер, – сказал Кейт. – Всегда говорил, что восхищается вами, тем, как хорошо у вас идут дела.

Фрэнк действительно так говорил обо мне окружающим. Возможно, он даже так считал.

– Забавная штука получается, – сказал Эдди. – Знаешь парня шесть лет, видишь его тихим и уравновешенным – ни драк, ни пьянок, и вдруг он срывается с катушек, выпивает целую бутылку виски, садится за руль, начинает гнать во весь опор, срывается в карьер и заканчивает свой путь в трех футах от воды. Все это, понимаете ли, как-то неправильно, чертовски неправильно. – Он залпом опустошил свой стакан. – Такого не должно было случиться. С кем угодно, только не с Фрэнком. Он же был одним из лучших.

Его глаза стали наполняться слезами. Он сунул в рот сигарету, я налил ему еще виски. Он никак не мог найти спички, и я дал ему прикурить.

– Спасибо, – сдавленным голосом проговорил он. Неважно, что именно вызвало у Эдди такие бурные эмоции – виски или неподдельная скорбь по Фрэнку, – главное, что в настоящий момент он искренне верил в свои слова.

Некоторое время все молчали, наконец я сказал:

– А вам не кажется, что все это он сделал нарочно?

Оба удивленно посмотрели на меня.

– Что? Покончил с собой? – спросил Кейт.

Я промолчал.

Кейт на секунду отвернулся, потом снова посмотрел на меня, на этот раз с какой-то странной полуулыбкой.

– Нет, – уверенно проговорил он. – Чтобы Фрэнк? Покончил с собой? Да вы что!

Я продолжал наблюдать за ним. Полуулыбка исчезла, и на его лице появилось недоверчивое выражение.

– А зачем?

– Это-то мне и интересно, – сказал я.

– Да ладно, – махнул он рукой. – Фрэнк был... он... был... я имею в виду, он был не из тех, кто ввязывается в какую-нибудь дрянь, ну, лезет туда, откуда нет выхода. У него не было проблем, я знаю. Я хочу сказать, я бы знал. Черт, мы же работали вместе, виделись каждый день в течение последнего года. Это вылезло бы наружу.

– С какой стати?

– Ну, просто вылезло бы. Он всегда был одинаковым. Всегда. Никогда не менялся.

– Какой он был в вашу последнюю встречу?

– В воскресенье? Таким же, как всегда. Пришел вовремя. Работы было много.

Эдди налил себе большую порцию.

– И он ничем – ни словами, ни действиями – не показал, что что-то случилось?

– Нет, ничем. Говорю вам, он был таким же, как всегда.

– Вы не допускаете, что что-то могло произойти в промежутке между вашей последней встречей и тем моментом, когда он напился?

– Ну, не знаю. Думаю, нет. Но если и произошло, то нечто ужасное. А что такого ужасного могло произойти?

– Не знаю, – сказал я.

– Наверное, вы знали бы, если бы такое произошло.

– Не знаю, – сказал я.

Эдди, который выключился из разговора несколько стаканов назад, опять себе налил.

– Отличный мужик, черт побери, – сказал он. – Один из лучших.

– Откуда тебе знать, ты, старый пердун! – вдруг завопила Дорин.

Она стояла в дверном проеме со стаканом в руке. За ней, на кухонном столе, я увидел бутылку. Почти пустую. По лицу Дорин текли слезы. Плащ сидел на ней косо.

– Откуда тебе знать! – немного тише закричала она. – А тебе? А тебе? Особенно тебе, – обратилась она ко мне. – Никто из вас не знал его. А я знала. Он был моим папой.

Последнее слово она произнесла с подвыванием и швырнула стакан в Эдди, хотя я уверен, что она ни в кого конкретно не целилась. Стакан попал Эдди в плечо, и виски выплеснулось на рукав его пиджака. Он вскочил со стула. Я пошел к Дорин. Кейт тоже подскочил, но стакан из руки не выпустил.

– Дорин, дорогая, успокойся, – сказал я.

– Убирайся, – прошипела она, – убирайся прочь.

– Послушай, – сказал я, – я знаю, что ты чувствуешь...

– Нет, ты ничего не знаешь, ничего. Черт, оставь меня в покое!

Она бросилась к двери в холл и распахнула ее.

– Выкатывайтесь! – закричала она. – Давайте выкатывайтесь! Все!

Я подал знак остальным, и они, допив виски, двинулись к выходу. Эдди вытирал рукав носовым платком.

– Подождите меня снаружи, – сказал я. – Я выйду через минуту.

После их ухода я хотел заговорить с Дорин, но она побежала в буфетную. С ногами запрыгнув в кресло Фрэнка, она прижала кулачок ко рту и заплакала.

– Послушай, – сказал я, – я на твоём месте пошел бы поспал.

Она никак не отреагировала на мои слова.

– Мне нужно выйти на час, – сказал я. – Я скоро вернусь.

Тишина.

Я смотрел на нес минуту или две, потом вышел и закрыл за собой дверь.

* * *

Они стояли на тротуаре возле калитки. Эдди продолжал вытирать свой рукав. Когда я вышел, оба посмотрели на меня.

– Очень извиняюсь, – сказал я. – Она тяжело восприняла все это.

– О господи, – воскликнул Кейт, – да не беспокойтесь вы. Ведь она ужасно расстроена, да?

– Да, – сказал Эдди, – бедняжка.

Я вынул из бумажника фунт.

– Вот, – сказал я, – на чистку.

– О нет, мистер Картер, – возразил Эдди. – Я не могу.

Но я знал, что может, и в конце концов он взял деньги.

– Ладно, – сказал я, – давайте где-нибудь выпьем.

Эдди посмотрел на часы.

– Не получится, – сказал он. – Мне нужно быть на работе через двадцать минут.

– А вы? – обратился я к Кейту.

– Я в ажуре. Свободен до шести.

– Я как раз освобожусь к этому часу, – сказал Эдди. В его голосе слышалось сожаление.

Ему очень не хотелось отказываться от дармовой выпивки.

Мы с ним пожали друг другу руки.

– Спасибо, что пришли, – сказал я. – Ценю ваше внимание.

В нем снова пробудились эмоции.

– Это самое меньшее, что я мог сделать, – сказал он. – Фрэнк был отличным парнем.

Одним из лучших.

– Да, – кивнул я.

Мы постояли еще минуту.

– Так-то вот, – проговорил Эдди.

Он еще раз пожал мне руку и по диагонали перешел дорогу, направляясь в конец улицы.

Руки он держал в карманах, полы его незастегнутого плаща развевались на ветру.

– Пошли, – позвал я Кейта.

Мы пошли по улице в противоположную сторону. Угол Джексон-стрит и Парк-стрит, улицы, что вела к Хай-стрит, находился в двадцати ярдах от огороженного пустыря. Кейт машинально завернул за угол, но, увидев, что я продолжаю идти прямо, поспешил за мной.

Я остановился у изгороди и посмотрел туда, где раньше была канава. Двое рабочих тащили к цеху упаковочный ящик. В здании жужжал токарный станок.

Кейт встал позади меня.

– Что там? – спросил он.

– Ничего, – ответил я. – Просто смотрю.

По дороге в «Сесил» я решил позвонить. Кейт ждал меня у будки, привалившись спиной к стене почты. Наконец взяли трубку, и я услышал голос Одри:

– Здравствуйте, говорит Одри Флетчер.

Это означало, что Джеральд дома.

– Я перезвоню, – сказал я. – Скажи Джеральду, что ошиблись номером.

– Извините, думаю, вы ошиблись номером.

– У тебя отличные сисечки, – сказал я.

– Все в порядке, – сказала она и повесила трубку. Мы добрались до «Сесила».

Я хорошо помнил это заведение, хотя прошло около двенадцати лет с тех нор, как я был там в последний раз.

В юности, когда я начал ходить по пабам, мне советовали держаться подальше от «Сесила», говорили, что не надо туда даже заглядывать, что это непристойное место, особенно по субботам, что это – худшее заведение в городе. Кто-то однажды пошутил, что хозяевам «Сесила» следовало бы повесить на двери объявление: «Песни – до десяти, драки – до одиннадцати». Я же начал появляться там сразу после того, как мне было разрешено сидеть у барной стойки. Впервые я пошел туда в пятницу. Все вроде бы было в порядке, никто ни к кому не привязывался. Я вышел в туалет, а когда вернулся, то обнаружил, что столы уже сдвинуты и освобождена довольно большая площадка перед стойкой. Все стояли в полной тишине, некоторые даже взобрались на стулья. На освободившейся площадке стояли восемь мужчин. У одних в руке были разбитые бутылки, у других – стаканы. Они стояли лицом к стойке, на которой замерли с десятков барменов, вооруженных палками.

Главный бар был очень большим – с тех пор я не бывал в более крупных барах. Если зайти через двойную дверь с Хай-стрит, то видишь сотни круглых столиков, диагональными

рядами идущие из конца в конец огромного помещения, туда, где чуть ли не в сотне ярдов от входа находится сцена, длинная низкая платформа с полным набором ударных инструментов, пианино и электроорганом «Хаммонд». Всю левую от входа стену занимает барная стойка с восемью двойными кранами. Стойка упирается в сцену – такая она длинная.

Между столиками и сценой лежит узкий ковер шириной двенадцать футов. Ковер постелен и под табуретами у стойки, а также по обе стороны от двери, где тоже стоят столики, по пять с каждой стороны. Они предназначены для обедающих, поэтому основная масса столов остается чистой к тому моменту, когда начинается вечернее представление с певцами, комиками, стриптизом и драками.

Мы с Кейтом прошли к стойке, за которой работали три бармена. Мы оказались единственными клиентами.

Ближайший к нам бармен двинулся в нашу сторону. Он посмотрел на Кейта и кивнул.

– Привет, Кейт, – сказал он.

– Привет, – ответил тот.

Я вытащил бумажник.

– Слушаю вас, сэр, – встрепнулся бармен.

– Давай на «ты», Кейт. Что будешь пить? – спросил я.

– Пинту темного, пожалуйста, – ответил он.

– Две пинты и два больших виски, – сказал я. – Лучше «Беллз», если у вас есть.

– Сию минуту, сэр, – отчеканил бармен и направился к ближайшему крану.

– Большое спасибо, – поблагодарил Кейт.

– Он знает, где ты сегодня был? – спросил я, кивая на бармена.

– Да.

– Тогда почему же он сам не пришел?

– Он здесь работает всего неделю. Виделся с Фрэнком раза два, не больше.

– А другие?

Кейт пожал плечами.

– Не знаю. Кто-то говорил, что постарается прийти. Видимо, времени не было, или работа задержала.

Почему-то на его лице появилось смущенное выражение.

– Значит, Фрэнк был не так уж популярен, – заключил я.

– Я бы так не сказал. Просто он никому не навязывался. Ну ты понимаешь.

– Чем же он заслужил такую безграничную любовь окружающих?

Кейт опять пожал плечами и нахмурился. Подошел бармен с напитками.

– Что пожелаете к виски, сэр? – спросил он.

– Имбирный эль, – ответил я. – Сколько с меня?

– Пятнадцать шиллингов и пять пенсов, сэр.

– Выпейте с нами.

– О, благодарю, вы очень добры, сэр. Если позволите, я выпью «Макисон».

Он принял деньги, мы взяли стаканы и перебрались от стойки за ближайший к двери столик. Я сразу выпил виски и пригубил пиво. Кейт угостил меня сигаретой, и мы закурили. За окном проносились машины. Время от времени ветер яростно набрасывался на входную дверь, заставляя ее дребезжать.

– Кейт, – сказал я, – насколько вы с Фрэнком были дружны?

Он задумчиво вытянул вперед верхнюю губу.

– Ну, знаешь ли, я уже говорил: мы вместе работали. Познакомились год назад. Когда я устроился на работу.

– Да, – сказал я, – помню. Но насколько хорошо ты его знал?

Он опять нахмурился.

– Ну, мы часто разговаривали, когда наступало затишье, о футболе, об общем положении дел в мире. В общем, обо всем в этом роде.

– Ты заходил к нему домой после работы?

– Нет, мы общались только в рабочее время.

– И никогда не встречались в пабе, чтобы выпить по стаканчику?

– Нет. Ничего такого. Однажды я столкнулся с ним в «Короне», и мы вместе пропустили пару порций, но эта встреча была случайной.

– А с кем он был?

– Со своей подружкой, Маргарет.

– Он когда-нибудь рассказывал тебе о ней?

– Нет.

– Тогда откуда тебе известно, кто она?

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Да ее все знают. Тем более в пабах.

Я сделал глоток.

– Я бы назвал ее шлюхой, – сказал я. – А ты что думаешь?

И опять в его глазах появилось озадаченное выражение.

– Ну, не знаю.

– Да ладно, – махнул я рукой.

– Гм, да, я бы тоже.

– И всем известно, что она шлюха, верно?

– Очевидно.

– Тебе это известно, – сказал я. – А Фрэнк знал?

Он отпил пива.

– Не знаю.

– А ты не посчитал нужным предупредить его?

– Разве такое было возможно, а? Как бы то ни было, он наверняка знал. Вообще-то она не отличалась особой скромностью.

– Понятно, – сказал я. – Понятно.

Я глотнул пива.

– Фрэнк когда-нибудь рассказывал тебе о своей подружке?

– Нет.

– А ты знал, что у него есть подружка?

– Ну догадывался. Из-за девочки.

– Значит, ты знаком с Дорин?

– Сегодня я увидел ее впервые.

– Фрэнк рассказывал тебе о ней?

– Да.

– И что же?

– Ну, он рассказывал, что делал для нее. Обустроил спальню. Поклеил новые обои, потому что ей хотелось что-нибудь более яркое. Все в таком роде. Ему нравилось рассказывать о ней.

– Она, черт побери, была для него всем, – сказал я. Кейт промолчал. – Его жена – Фрэнка, я имею в виду, – она была из тех женщин, которых можно увидеть на торговой улице с фирменным пакетом в руке, шарфиком вокруг шеи, очками на носу и сигаретой в зубах. Она была простой, как веник. И выглядела так, причем еще до свадьбы. Всем своим видом она давала понять, что даст Фрэнку только один раз, в первую брачную ночь, и что на большее ему рассчитывать нечего. Насколько я помню, она не снимала очки, хотя они нужны ей были только для чтения. Однако Фрэнк все же женился на ней. – Кейт внимательно смотрел на меня. – И

знаешь, что произошло? В соседний дом въехали какие-то темнокожие. Пакистанцы. Однажды Фрэнк на работе поранил руку и вынужден был идти в больницу. Ему наложили швы, и он пошел домой. А ее дома не оказалось. Он пошел искать ее на улицу. Но и там ее не оказалось. Он возвращался домой, когда увидел, как она выходит из дома пакистанцев. Сначала он ничего не понял. Она заметила его и побежала прочь, и тогда он все понял. Он отловил ее, притащил домой и избил до полусмерти. Через несколько дней пакистанцы съехали, перебрались то ли в Лидс, то ли куда-то еще. И она уехала с ними. Это случилось, когда Дорин было семь.

– Черт, – покачал головой Кейт. – Неудивительно, что он никогда о ней не рассказывал.

– А знаешь, что она сделала? – спросил я. – Уже после этого?

– Что?

– Через несколько дней после отъезда она прислала Фрэнку письмо. Он получил его перед похоронами нашего отца. Я тоже приехал на похороны. В письме она обозвала Фрэнка самыми последними словами, а в конце написала, что Дорин не его дочь. Что ее отец я. И написала она об этом намеренно, потому что Фрэнк очень любил Дорин.

– Боже мой, – проговорил Кейт.

– Фрэнк показал мне письмо, – продолжал я. – Он был очень спокоен. Стоял рядом, пока я читал, а потом сказал: «Джек, я больше не желаю видеть тебя в этом доме». А ведь он получил письмо за четыре дня до этого. Я имею в виду, у него было время для того, чтобы выплеснуть наружу эмоции – напиться, наброситься на меня, сотворить что-нибудь еще. Однако он все держал в себе. Просто сказал мне, что больше не хочет иметь со мной дело, и все.

– Значит, он ей поверил?

Я кивнул.

– Это была правда?

– Не знаю, – ответил я. Кейт удивленно посмотрел на меня. – Я переспал с Мюриэл вскоре после их помолвки. Мне было всего двадцать два. Дорин появилась на свет через восемь месяцев после свадьбы. Откуда мне знать? Сегодня я увидел ее впервые за последние восемь лет. В нашу прошлую встречу она была ребенком.

Кейт опустил глаза. Я отлично помнил, как все произошло. Я возвращался домой из паба и встретил Мюриэл с двумя подружками. Все трое были пьяны в стельку. У них был девичник по случаю свадьбы Мюриэл. Они матерились, приставали ко мне. Нет ничего противнее напившейся бабы. Одна из них, та, что жила неподалеку, предложила зайти к ней на чашку чая. Я согласился. Я был не лучше них и надеялся, что мне что-нибудь обломится. Мы пошли к ней. Она принесла еще выпивки, мы заговорили на всякие недозволенные темы, и я возбудился. Я устроился в мягком кресле, Мюриэл сидела напротив меня, ее подружки расположились на диванчике. Мюриэл не замечала, как она сидит, и я беспрепятственно заглядывал ей под юбку. Я даже не делал вид, будто смотрю в другую сторону. В тот момент я был далек от этого. Одна из девчонок пошутила на эту тему, и Мюриэл перегнулась через подлокотник и задрала юбку своей подружке, предложив посмотреть, чем та может похвастаться. Подружка задрала юбку Мюриэл, и обе начали задирать друг другу юбки чуть ли не до талии. Взвизгивая и хохоча, они поглядывали на меня. Они были страшно пьяны и не замечали, какой подняли гвалт. К ним присоединилась третья девчонка. В конечном итоге подружки опрокинули Мюриэл на диванчик и содрали с нее трусики. Одна из них принялась кружиться по комнате, размахивая трофеем, а Мюриэл пыталась вырвать у нее трусики. Третья девчонка посмотрела на меня и заявила, что я закутался. Почему все удовольствие достается только ему? А ну давайте-ка посмотрим, что у него там в штанах. Все трое набросились на меня и начали расстегивать ширинку. Я не особо сопротивлялся. В этот момент кто-то постучал в дверь, и девчонка, у которой мы были, пошла открывать. Я решил, что вернулись ее родители, а оказалось, что пришел сосед, которому не понравился шум. Пока она препиралась с соседом на крыльце, вторую подружку начало тошнить, и та побежала в ванную. Мы с Мюриэл остались одни. Она села на

подлокотник кресла и стала расстегивать мне ширинку. Входная дверь хлопнула, но хозяйка дома не вернулась в комнату, так как занялась своей приятельницей, которая облежала ковер на лестнице.

Все заняло пять минут. Мы упали на ковер, я вошел в нее и тут же кончил. И как только я кончил, мне стало мерзко. Мне захотелось кричать, бить кулаками по полу и рвать. А Мюриэл тем временем чертыхалась, возмущенная тем, что я уже кончил. Помню, как поднялся и принялся в полный голос орать на нее. В дверь опять постучали, и хозяйка вошла в комнату, чтобы выяснить, в чем дело. Я поспешно застегнул брюки и выбежал на улицу, оттолкнув старого козла, который пришел жаловаться на крики.

Я знал, что не смогу смотреть в глаза Фрэнку всю неделю, что оставалась до его свадьбы. Тогда я жил у Альберта, так как отец выгнал меня из дома. Ни Фрэнк, ни отец не знали, где я провожу время, поэтому для меня не составило труда скрываться от него. С Мюриэл после того случая я виделся один раз. В ту ночь, когда едва не прикончил нашего отца. Она и Фрэнк уже жили на Джексон-стрит. Когда я увидел ее там, то никак не мог поверить, что действительно переспал с ней. Она и раньше не блистала красотой, но в тот вечер выглядела ужасно: волосы в мелких завитках, сигарета во рту, лицо без косметики. Я пытался убедить себя, что все выдумал. Но я знал, что это правда.

Когда я узнал, что у Фрэнка родилась дочь, мне и в голову не пришло, что ребенок может быть от меня. Возможно, я сам себе хорошенько промыл мозги насчет той ночи и поэтому не мог допустить подобной мысли. Даже когда на похоронах отца Фрэнк показал мне письмо, я не допустил, что такое возможно. И не допускаю сейчас. Дорин всегда была дочерью Фрэнка. Что бы там ни произошло между мной и Мюриэл. Дорин дочь Фрэнка. Иначе и быть не может.

Однако с тех пор меня интересовал один вопрос: поверил ли Фрэнк Мюриэл. Он поверил, что между нею и мною что-то было. Он знал, что мы на это способны. Но вот верил ли он в то, что Дорин может быть не от него, это совершенно другое дело. Похоже, он не позволял себе даже думать об этом. Таков уж он был, наш Фрэнк. Все неприятное он просто не впускал в себя. Как я.

– Как я уже сказал, – продолжал я рассказывать Кейту, – в тот раз, когда у Фрэнка были все причины либо прикончить меня или Мюриэл, либо сойти с ума, он просто пересилил себя и вежливо попросил меня покинуть дом. Если что-то и заставило его гнать во весь опор вниз по склону, то это было нечто более ужасное, чем то, что он узнал обо мне и Мюриэл.

– И Дорин, – добавил Кейт.

На это замечание я никак не отреагировал.

– Но, – сказал я, – сомневаюсь, что он сделал это намеренно.

– Я тоже, – сказал Кейт. – Как ты говорил, Фрэнк был не такого склада.

– И в то же время... Фрэнк никогда не напился бы до потери сознания вместо того, чтобы идти на работу, верно?

– Ну верно, – согласился Кейт.

Я выбил из пачки сигарету.

– Кейт, – спросил я, – а насколько хорошо ты представляешь, что творится вокруг?

– Что ты имеешь в виду?

– Здесь, вокруг. Среди больших людей. Хозяев.

– Наверно, вообще не представляю.

– Но ты же знаешь, что в городе есть хозяйева?

– Очевидно.

– Ты встречался с кем-нибудь из них?

– Нет.

– А тебе известно хоть одно имя?

– Ну, я знаю, что есть один человек по имени Торпи.

– И чем он занимается?

– Он дает займы на сталелитейных заводах. У него есть несколько ребят, которые собирают для него долги. Они иногда появляются здесь.

– И он хозяин, так?

Кейт промолчал. Я улыбнулся.

– Ты знаешь своего босса?

– Мистер Гарднер.

– Кто он такой?

– Управляющий.

– И на кого он работает?

– Он работает на компанию, которая владеет пивоварней.

– На «Коутел Лимитед»?

– Верно.

– Они владеют гостиницами и мотелями, а также парочкой пабов, правильно?

– Правильно.

– А кто владеет «Коутел Лимитед»?

– Не знаю.

– Не знаешь, – кивнул я, – и никогда не узнаешь. Тебе известно, на кого работает Торпи?

– Нет.

– На владельца «Коутел Лимитед». Тебе известно, кто управляет букмекерскими конторами Гринли?

Кейт не ответил.

– Понятно, – сказал я. – Ты слышал о «Уорлд Холэдж Лимитед»? – Кейт кивнул. – Ею управляет чувак по имени Марш, не так ли? – Кейт снова кивнул. – А вот и не так. Догадываешься кто? Догадываешься, кому принадлежат дома для темнокожих на Джексон-стрит, Вольтер-роуд и Линден-стрит? Игорные клубы, бордели и «Деревенские пироги и колбасы Гривза»?

Сигарета Кейта догорела до фильтра. Он затушил ее и вытащил из пачки новую.

– Помнишь, как пару лет назад здесь прирезали пятерых пакистанцев? Прямо посреди улицы?

– Тогда меня здесь не было, но я слышал об этом.

– В газетах писали, что их было восемнадцать, причем все пакистанцы. Дрались между собой.

– Все верно.

– А на самом деле произошло следующее: наши цветные друзья открыли в конце Кларендон-стрит дешевый публичный дом. Новое заведение привлекло много посетителей. Слишком много. Они решили открыть рядом еще одно. Это было как раз перед той дракой. Все думали, что происходит именно то, на что это было похоже: пьяная драка. А в действительности пять пакистанцев из дешевого борделя дрались с пакистанцами из различных заведений на Джексон-стрит, Вольтер-роуд и Линден-стрит. Заведений, которые принадлежат одному большому дяде. Им помогали парни англиканского вероисповедания. Многие видели эту драку, но свидетелей не оказалось. Полиция арестовала только тех, кого доставили в больницу. По тем или иным причинам они удовлетворились своим уловом. Как ты понимаешь, после того случая никто не решился конкурировать с ними.

Кейт смотрел на меня и гадал, откуда мне все это известно.

– Все было в газетах. Я понял, что происходит нечто в этом роде, и позвонил Фрэнку. Чтобы узнать, в порядке ли он. Фрэнк отлично знал, что все не так, как кажется, но ничего не сказал. Даже за все золото мира он не вмешался бы в подобные дела. Он всегда играл осторожно. Однако он все знал. Он всегда знал, что происходит вокруг.

Я взглянул на Кейта.

– Видишь ли, у Фрэнка могли возникнуть неприятности только в одном случае: если бы он услышал что-нибудь и рассказал об этом кому-то еще. Только он этого не сделал бы, верно?

– В общем, верно, – согласился Кейт.

– Он был не из тех, кто напьется и сядет за руль. Он был не из тех, кто решает свести счеты с жизнью. И он был не из тех, кто ссорится с важными людьми. Тогда что же?

Двери паба распахнулись, и вошли трое рабочих со сталелитейного завода. У всех троих были рюкзаки за спиной. Они выглядели чистыми, следовательно, их смена начиналась в два, и они решили перед работой пропустить по стаканчику. Кейт сказал:

– Не знаю. Что?

– У Фрэнка могли возникнуть проблемы только в том случае, если он увидел то, что не хотел видеть. И если я прав, значит, то, что он увидел, было очень опасным. Ты согласен со мной?

– Согласен. Но...

– Что «но»?

– Ты хочешь сказать, что Фрэнк... что Фрэнка убили. Без сомнений.

– Убили.

– Но как ты можешь утверждать такое наверняка?

– Потому что знаю.

– Откуда?

– По роду своей работы.

Я смотрел на него, ожидая, пока сказанное дойдет до его сознания.

– Поэтому-то я и уверен, – сказал я. – Абсолютно уверен. – Я допил пиво. – Еще по одной?

* * *

Пока он шел от стойки, у него было время обдумать все, что я сказал. Именно на это я и рассчитывал. И у меня тоже было время подумать. Теперь настала пора узнать, прав я оказался или нет.

Он поставил стаканы на стол.

– Твое здоровье, – сказал я.

– И твое, – сказал он.

Я залпом выпил свой виски.

– Кейт, если учесть все это, что, по-твоему, мне следует сделать? – спросил я. – Идти в полицию?

Сказав это, я улыбнулся. А Кейт промолчал. Я перестал улыбаться.

– Я хотел бы, чтобы ты кое-что сделал для меня, – сказал я. Он продолжал молчать. – Я хочу, чтобы ты держал ушки на макушке и внимательно смотрел по сторонам. Я хочу знать все, что ты услышишь в баре. Я хочу знать, кто что говорит. О бизнесе, о Фрэнке, обо мне – обо всем. И если кто-нибудь спросит, где я остановился, я хочу знать об этом в первую очередь. Как только услышишь подобный вопрос, тут же надевай пальто, выходи на улицу и спеши на Холден-стрит, семнадцать, чтобы доложить мне. Там будут деньги на тот период, пока ты подыщешь другую работу.

– Да, – сказал он, – но...

– Что «но»?

– Это же опасно, верно? Если они узнают, что я был на похоронах и встречался с тобой?

– О, обязательно узнают, – заверил его я. – На другое и не рассчитывай.

– Ну, в том-то и дело. Ведь если я расскажу тебе о них, значит, я буду втянут в это дело, так?

– Не так, – солгал я, – конечно не так. Им нужен я. А тебя они оставят в покое. Если они тронут тебя, то создадут себе лишние проблемы.

– Ну...

– Короче говоря, я буду тут, поблизости, так что вообще-то им не нужен мой адрес, – сказал я. – Но мне важно узнать, для кого это важно. Думаю, тебе и не понадобится приходить ко мне. Просто дай знак, когда я приду. Понятно?

– Вроде бы. Наверное, им не надо знать, о чем мы договорились, да?

– Естественно, не надо, – ответил я. – Естественно, не надо.

* * *

Я расстался с Кейтом в час, забрал машину из гаража на Холден-стрит и вернулся в дом Фрэнка. Дорин спала. Я налил себе выпить, сел на диван и приготовился ждать, когда она проснется. Я потягивал виски и смотрел на нее. Она спала очень крепко. Можно было подумать, что она умерла.

Если она и моя дочь, то от меня в ней ничего нет. Зато много от Мюриэл. К счастью, это не опасно, так как Дорин юна и следит за собой. Я попытался найти в ней черты Фрэнка, но не получилось. Я слишком долго на нее смотрел и видел перед собой просто подростка, с которым познакомился только сегодня утром. Девчушка, вместе с которой мы были на похоронах.

Сейчас уже не имело значения, чья она дочь. Если она согласится поехать в Южную Африку со мной и Одри, то только мне решать, продолжать ли с того места, где закончил Фрэнк. Мне и больше никому. Нравится мне это или нет. И что она чувствует по отношению ко мне, тоже не имеет значения: она никогда не будет испытывать недостатка в чем-либо, если поедет с нами. Если поедет. А если не поедет, я не буду настаивать. Она способна сама позаботиться о себе. У меня-то получалось. Если она не поедет, я договорюсь, чтобы ей время от времени выделяли определенную сумму. Надеюсь, она это оценит. Я бы на ее месте оценил, можете не сомневаться.

Дорин проснулась.

Она долго смотрела на меня, вспоминая, кто я такой и что произошло.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я.

– Мерзко, – ответила она и пропела языком по пересохшим губам.

– Тебе принести выпить? – предложил я. Она скривилась.

– Сигарету?

Она замотала головой. Я выждал немного.

– Дорин, – сказал я, – знаю, время неподходящее. – Она тупо таранилась в стену перед собой. – Но я, понимаешь ли, немного озадачен. Ну, тем, что произошло. – Никакой реакции. Я наклонился к ней. – Скажи, твоего папу что-то тревожило?

Она покачала головой.

– Тебе не кажется, что он должен был расстроиться из-за чего-то, чтобы так напиться?

– Не знаю.

– Может, поругался с начальником?

– Я не видела его в воскресенье вечером. Он был у Маргарет. Я уже легла, когда он вернулся.

Я налил себе новую порцию.

– Тебе нравилась Маргарет? – спросил я.

– Нормальная тетка. С ней весело.

– Ее отношения с твоим папой не раздражали тебя?

– С какой стати?

Я пожал плечами.

- Что ты подразумеваешь под «с ней весело»? – спросил я.
  - Ну, просто. Когда мы вместе ходили куда-нибудь.
  - Вы хоть раз разговаривали с ней? Когда Фрэнка не было поблизости?
  - Что ты имеешь в виду?
  - Ну, просто разговаривали.
  - Иногда.
  - О чем?
  - Обо всем.
  - Например?
  - Ни о чем конкретно. Она рассказывала мне, как жила в Лондоне.
  - А когда она жила в Лондоне?
  - Не знаю, давно.
  - Чем она там занималась?
  - Не знаю.
  - Знаешь.
  - Ну, работала платной партнершей или кем-то вроде этого.
  - Кем-то вроде этого. Игорное заведение?
  - Я не спрашивала.
  - Какая-нибудь обираловка, притон?
  - Наверное.
  - И ты не возражала против того, что твой отец связался с такой швалью?
  - Знаешь что, – вспыхнула она, – заткнулся бы ты. Мой папа знал, что она собой представляет. Это было его дело. Она была нормальной, просто Маргарет. Она понимала.
  - Что понимала?
  - Жизнь.
  - Что именно?
  - Ее не волновало, что думают вокруг.
  - В каком смысле?
  - Она жила, как ей нравилось.
  - И ты соглашалась с ней?
  - А почему бы нет? Тебя-то здесь не было.
  - Дорин, сколько у тебя было мужчин?
  - Послушай...
  - Сколько?
  - Не суйся не в свое дело.
  - А папа знал?
  - Это касается только меня и никого больше.
  - Знал?
  - Заткнись.
  - Думаешь, ему это понравилось бы?
  - Захлопни пасть.
  - Готов поспорить, что Маргарет знала. Готов поспорить, что ты рассказывала ей об этом, верно?
  - А почему бы нет?
  - Готов поспорить, что вы обе хихикали у него за спиной. Готов поспорить, что он не знал и половины того, чем она занималась, не говоря уже о тебе.
  - Она была замужем. И поступала, как ей нравилось.
  - По твоим словам получается, что она была тебе ближе, чем отец.
- Дорин встала.

– Она понимала меня, – сказала она, начиная плакать. – Она знала, на что это похоже.
– А папа не знал?
– Нет.
– Теперь, когда его нет, тебе будет гораздо веселее, правда?
Она бросилась на меня. Я схватил ее за запястья.
– Ну-ка, слушай меня, – приказал я. – Скажи мне, что произошло с твоим отцом? Что он узнал?
– Ничего, ничего.
– Я не верю тебе. Что произошло?
– Не знаю. Может, Маргарет...
– Что?
– Может, она порвала с ним.
– И он из-за этого напился?
– Не знаю.
– Сомневаюсь, – сказал я. – Сомневаюсь.
Я усадил ее в кресло Фрэнка и склонился над ней.
– В общем, так, – сказал я. – Для того, чтобы Фрэнк напился до такой степени и сел за руль, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее. – Она внимательно смотрела на меня. – Не знаю, что это было – случайная авария или подстроенная, – но намерен выяснить. И если окажется, что ты что-то знала, а мне не рассказала, я вышибу тебе мозги.
Мои слова и испугали ее до смерти, и озадачили.
– Что ты имеешь в виду? – спросила она. – Это была простая авария. Что ты имеешь в виду?
Я выпрямился. Так вот оно что. Она ничего не знает.
– Что ты имеешь в виду? – еще раз спросила она.
– Объясню, когда выясню. Если выясню, – ответил я.
Я вышел из комнаты и пошел к лестнице. Дорин последовала за мной.
– Дядя Джек! – настаивала она. – Что ты имеешь в виду?
– Не знаю, – ответил я, – поэтому не спрашивай.
В спальне я взял сумку, ружье и коробку с патронами.
– Ты думаешь...
– Я не знаю, что думать, – отрезал я.
Я вышел из спальни и спустился вниз. Дорин остановилась на верхней ступеньке.
– Куда ты идешь?
– Туда, где я буду жить.
– А как же мой папа?
– Я дам тебе знать, когда понадобится.
– Ты не знаешь, где я поселюсь.
– Я тебя найду, – заверил ее я.
Я закрыл за собой входную дверь, бросил сумку на переднее сиденье машины, открыл багажник и положил туда ружье и коробку с патронами. Захлопнув крышку, я завел двигатель.

* * *

Я еще раз позвонил Одри. Джеральда дома не оказалось.
– Джек, – сказала она, – мне беспокойно.
– Из-за чего?
– Я много думала. О том, что сделает Джеральд.

– Не думай. Если ему захочется вернуть тебя, ему придется отправляться в Йоханнесбург, а я сомневаюсь, что даже ради тебя он пойдет на такие жертвы.

– Но вдруг...

– Я же говорил тебе: Штайн знает. Он прикроет меня. Я ему нужен. Моя информация для него означает деньги. За это он мне и платит.

Одри помолчала.

– Ты же представляешь, что сделает Джеральд, правда? Если застучает меня?

– Ничего он не сделает, потому что ему придется иметь дело со мной. Так что не думай. Она снова помолчала.

– Ты вернешься в воскресенье?

– Не знаю. Если не вернусь, ты сама заберешь вещи у Мориса.

– А когда ты предупредишь меня?

– Не знаю. В субботу. Я позвоню Морису.

– Как насчет Дорин?

– Еще не знаю.

– Джек, ты хочешь, чтобы она поехала с нами?

– Не знаю.

– Надеюсь, Джек, ты думал об этом.

– Думал, – сказал я. – Короче, я позвоню в субботу.

– Джек, будь осторожен. Джеральд может создать тебе большие проблемы.

– Знаю. Неужели ты обо мне такого плохого мнения?

– Ладно, – проговорила Одри. – Все же попробуй вернуться в воскресенье. Кто знает, как все сложится.

– Я попытаюсь, – сказал я и положил трубку.

* * *

Я постучал в дверь пансиона. Когда владелица открыла мне, я сказал:

– Здравствуйте, я смог приехать раньше, чем мы договаривались. Надеюсь, я не нарушил ваши планы?

– Для меня нет никакой разницы, – ответила она.

– Отлично, – сказал я.

Она смотрела мне вслед, пока я поднимался вверх.

– Полагаю, вы намерены немного отдохнуть, – сказала она.

Я принял предложенную ею игру и повернулся, добравшись до верхней ступеньки.

– Не исключено, – сказал я.

На ее лице впервые появилось некое подобие улыбки. Очевидно, ей нравилось думать то, что она думала.

– Я собираюсь заварить чай, – сообщила она. – Вам принести?

– О да, пожалуйста, – ответил я. – Вы очень добры.

Я прошел в комнату, лег на кровать и закурил. Через несколько минут дверь открылась. Хозяйка подошла к столику у кровати и поставила на него поднос с чаем. Я приподнялся на локте и взял чашку. Она села на стул напротив кровати, сложила на груди руки и закинула ногу на ногу. Я видел резинки ее чулок, и она знала, что я это вижу, поэтому я спокойно поглядывал поверх чашки.

– Вот, – сказал я, – уже лучше.

– Вам это просто необходимо, – сказала она.

– Очень верно, – согласился я, – очень верно.

Хозяйка снова усмехнулась. Она довольно долго сидела напротив меня и усмехалась, потом раздвинула ноги так, чтобы я мог видеть ее трусики. Трусики оказались довольно свободными. Они были ярко-зелеными с белым кружевом. И выглядели новыми. Она наблюдала за тем, как я разглядываю ее, затем встала.

– Что ж, – сказала она, – не буду вам мешать. Отдыхайте.

– Спасибо, – поблагодарил я. Она открыла дверь.

– Вы сегодня куда-нибудь пойдете? – спросила она.

– Да, наверное, – ответил я.

– Если вы вернетесь не очень поздно, хотите, я приготовлю вам ужин.

– Это очень великодушно с вашей стороны, – сказал я.

Она больше ничего не сказала и закрыла за собой дверь.

* * *

Половина седьмого вечера, пятница. Слишком поздно для возвращения с работы и слишком рано для того, чтобы начать напиваться. Сейчас в пабах сидят только рабочие, транжира свою зарплату на выпивку.

Я ехал по Хай-стрит. Встречных машин почти не было. Слабый ветер загонял остатки солнца в длинные тени. Я проехал мимо «Вулворта», «Британского дома», «Миллета», «Уиллерби». Мимо кинотеатра «Эссольдо», аптеки «Прайсрайт» и пустого здания на окраине и вдруг оказался за городом. Я ехал по дороге, которая поднималась к холмам. По обе стороны от меня на фоне темно-оранжевого неба темнели громады сталелитейных заводов. Подъем становился все круче. Я сбавил скорость и, стараясь держаться ближе к середине шоссе, то и дело поглядывал направо. Здесь. Именно здесь. Я съехал на левую обочину, заглушил двигатель и вышел.

Я ожидал, что в этом месте усиливающийся ветер будет шуметь в ушах гораздо громче. Стремительно темнело. Я пересек шоссе. Сразу за поросшей травой обочиной росла живая изгородь, а за изгородью, привалившись к кустам, стоял старый забор. На траве были четко видны следы от колес, в изгороди зияла дыра, а на земле валялось несколько поломанных штакетинок. Я прошел через дыру в изгороди и посмотрел вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.